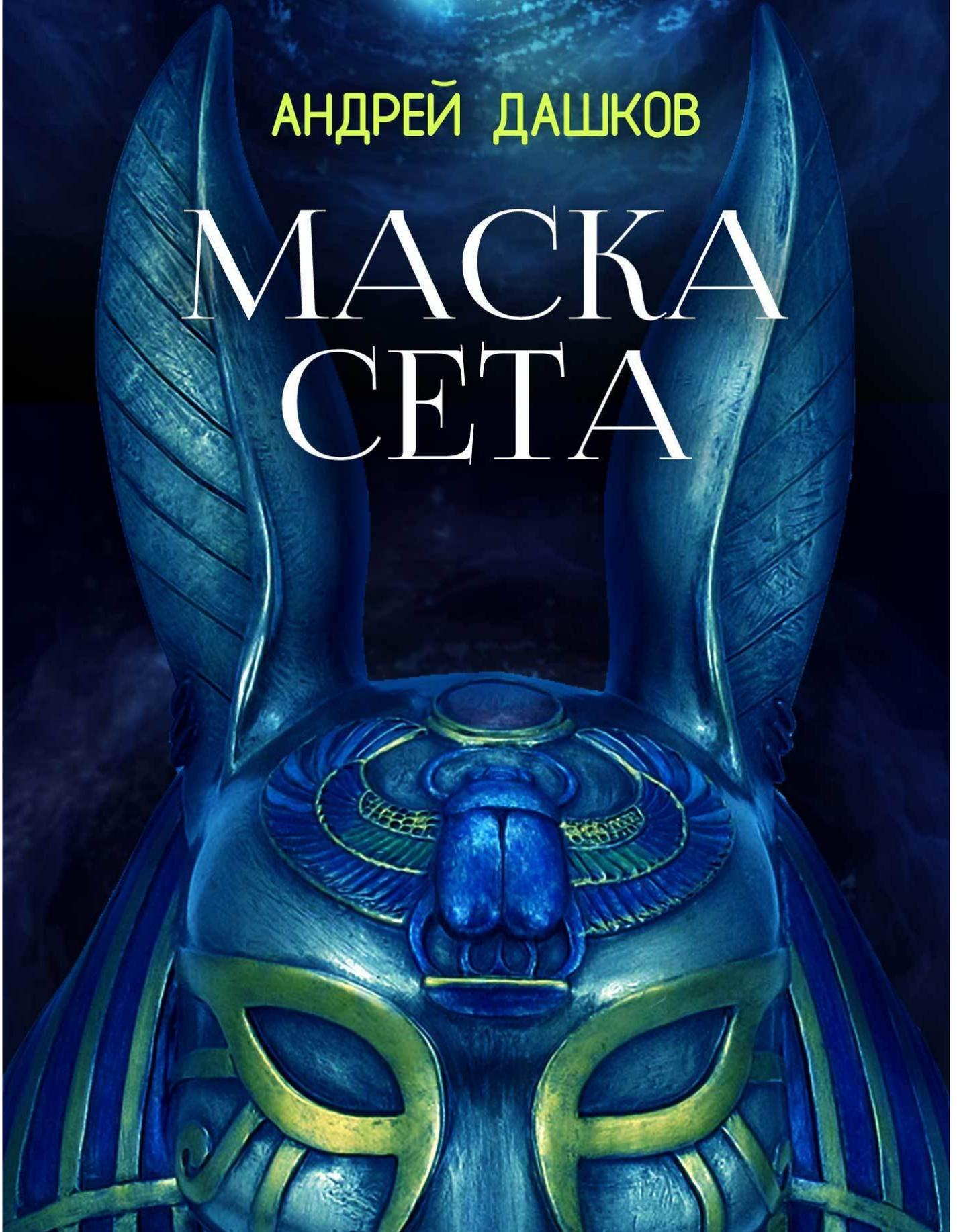

АНДРЕЙ ДАШКОВ

МАСКА СЕТА

Андрей Дашков

Маска Сета

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дашков А.

Маска Сета / А. Дашков — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

После глобальной войны и почти одновременной гибели миллиардов обитателей планеты окончательно сформировалась некротосфера, в которой стало возможным альтернативное биосфере существование. Происходящее там трудно поддается исследованию и тем более управлению, что не исключает неизбежных контактов с существами из некромира и даже использование людьми их сверхъестественных качеств. Небольшая, но могущественная часть человечества научилась контролировать психоэнергию и трансформировать ее в другие формы, в результате чего появились принципиально новые способы ведения войны, подавления сопротивления и подчинения масс. Сама действительность стала отчасти продуктом коллективного сознания, проектируемым вовне представителями одной из эволюционных ветвей, и находится под их жестким контролем. Единственным оплотом сопротивления остаются глубоко законспирированные монастыри, утратившие прежние функции и возглавляемые настоятелями-колдунами, которые насаждают среди своей паствы культ вуду. Основой их деятельности становятся эксперименты с психикой и подготовка зомбированных наемных убийц, действующих вне контроля сознания, что позволяет им избежать влияния «психоделического кошмара» и самоубийственных аспектов извращенного восприятия. Противоборство сторон и находка мистического фетиша, называемого Маской Сета по имени древнеегипетского бога разрушения, войны, хаоса и смерти, приводит к парадоксальному искажению и пересечению реальностей, в которых действует человек из близкого будущего, считающий себя зомби и фактически представляющий собой живое орудие насилия, подчиненное многослойной иерархии управляющих им программ. Ему противостоит порождение некротосферы: «тройственное» существо из XXVI века, вернувшееся в мир в результате слияния трех

душ, теней, «ка» – невинной девушки, убийцы-висельника и старика-монаха...

© Дашков А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	8
1	8
2	9
3	12
4	12
5	14
6	19
7	22
8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Дашков

Маска Сета

*Живя,
Будь мертв,
Будь совершенно мертв —
И делай все, что хочешь,
Все будет хорошо.*

Бунан

Часть первая

Лазарь

*Так чистый ручей становится мутным
При слиянии с мутным ручьем!*
Эдгар Ли Мастерс

Глава первая После смерти

*Здесь лежу я, не угадавший, что происходит
На земляном ложе!*

Эдгар Ли Мастерс

1

В течение целого лунного месяца насыщает Луна взрыхленную черную землю неведомым ядом. В течение целого лунного месяца перемещается вслед за ночным светилом саркофаг с прозрачной крышкой, а в нем – лишь труп, кровь, сырая земля и преломленные крышкой жидкие лучи. Саркофаг движется по Монорельсу, проложенному в Долине Мертвых, – так медленно, что его движение становится заметным лишь по изменению тени, которую он отбрасывает. Но некому замечать это. Долина безлюдна и утопает в тишине...

Монорельс очень стар. Согласно преданию, его создали древние с какой-то нелепой целью; опоры – из камня, а змеиное тело – из нержавеющей стали. Долина в те времена представляла собой чуть ли не балаганное место, в котором смерть гостила крайне редко. Теперь Монорельс изъеден дождями и похож на серую губку, но двигающиеся по его изгибам зловещие предметы все еще не издают ни единого ржавого звука. Движение остается совершенным потому, что подчиняется неспешному ритму вращения небесных сфер, а может быть, причина этого – магия некроферы, во всяком случае, саркофаги плывут в лунном сиянии, словно лодки потустороннего мира, вне времени и звуков, перевоза свое содержимое между незыблемыми горами вечности...

Только с рассветом распадается волшебство. Утренние лучи проникают в долину – и все замирает до следующей ночи. Это дни беспомыслия, разделяющие зыбкие сны, и это время света, который разрушает многое из того, что создано тьмой. Многие, но не все. Саркофаги останавливаются на промежуточных станциях – в гротах, облитых изнутри горным хрусталем, где подолгу блуждают лунные лучи, пойманные в ловушку идеальных отражений...

Птицы избегают этого места, но если им все же случается пролетать высоко над ним, то сверху Монорельс представляется издохшим чудовищем, избравшим для своей могилы глубокую щель посреди горной страны и свившимся в агонии в бессмысленные кольца. Люди не появляются здесь ни днем, ни ночью. Они загружают саркофаги у начала Монорельса и встречают их у самого конца, даже не зная точно, каков окажется результат их усилий. Все известное принадлежит им; за неопределенность отвечают демоны Ра-сетау¹. Это – плата за колдовство, и она устраивает даже самых осторожных.

Но осторожные и недоверчивые находятся далеко – главным образом в столице, Москве. К помощи же Монорельса прибегают те, кто не мыслит себя вне культа, безоговорочно следует по темным дорогам своей судьбы, защищая интересы секты в мире и имея лишь одно по-настоящему опасное оружие – ядовитое насекомое в опустошенной глазнице.

...Не одну сотню лет передвигаются в Долине Мертвых зловещие предметы. Только Луна может засвидетельствовать происходящие в них изменения. От новолуния – к новолунию. От печального начала – к неизвестному и, может быть, ужасному продолжению.

¹ Ра-сетау – царство мертвых в египетской мифологии. – Здесь и далее примеч. автора.

2

Император стоял на восточной террасе дворца и смотрел на развалины древней крепости Кремлин. Угасающий свет заката окрасил остатки увенчанных зубцами стен и полуразрушенные башни в кроваво-красный цвет. На одной из башен чудом уцелел скелет пентаграммы – символа с утраченным смыслом. А с востока уже надвигались низкие тучи, пожирая последние лучи невидимого солнца. Ночь наступала в небесах и на земле...

Император уже не в первый раз поймал себя на том, что зрелище руин завораживает. Напоминает о вечности и примиряет со временем, текущим, как песок между пальцами. Кремлин к тому же тревожил воображение, поскольку хранил мрачные загадки, которые никогда не будут разгаданы.

Крепость слишком огромна; ее было бы трудно защищать, тем более что здания внутри крепостной стены мало пригодны для обороны. Чего не скажешь о подвалах, полных человеческого праха. Подземелье не изучено и на одну треть, в нем множество ловушек, картографы порой не возвращаются, известные ходы тянутся на многие лиги за пределы Моско...

Красный луч угас, и Кремлин затопила тьма. Так же как и другие развалины старого города. Столица давно переместилась к западу, берега пересыхающей реки опустели, широкая полоса зыбучих песков подковой охватывает крепость, а среди отравленных прудов и озер бродят призраки. Только тусклые огни иногда загораются в той стороне – это бродяги жгут костры, согреваясь долгими холодными ночами.

Император мог бы сейчас, не сходя с места, отыскать каждого из отщепенцев, наших убежище в мертвом городе, – зафиксировать их тени внутри черепа, а потом напугать до смерти, заставить бежать во дворец или размозжить головы о камни... Мог, но был равнодушен к сброду. Сброд бессилен и безвреден. Еще со времен своей бурной юности Император усвоил, что драгоценную силу «психо» не расходуют по пустякам. Вполне возможно, ее следует поберечь для предстоящей беседы с мастером секты лунитов, обосновавшихся в Казских горах. Император не помнил имени человека, попросившего об аудиенции, – для него все сектанты были на одно лицо: призрачные фигуры, крадущиеся в сумерках сознания...

Сзади глухо кашлянул Гемиз – его личный секретарь. Смышленный малый, не владеющий «психо». Император находил это удобным. Гемиз был взят из самых низов, «из грязи», и предан властелину, как собака, – до двенадцати лет он в буквальном смысле слова ел с хозяйской руки. Император поручал ему некоторые щекотливые дела, но и близко не подпускал к оружию...

Гемиз подкрался неслышно, как кошка.

– Он пришел? – спросил Император.

– Да, Ваше Императорское Величество.

– Я приму его здесь.

Гемиз замялся. Император знал, в чем дело. Верный человечек беспокоился о его безопасности.

– Ладно, – сказал он, еле заметно улыбаясь. – Пришли сюда охранника.

Секретарь мягко заскользил прочь, а Император устроился между статуй, слившись с темнотой, и превратился в одну из них. Сосредоточившись, он искал приближающегося гостя. Он нашел тень мастера и обнаружил, что тот закрыт, причем закрыт очень хорошо. Этого следовало ожидать, и это осложняло дело.

Рядом с лунитом двигалась тень охранника. Над этим человеком, как и над девятнадцатью другими своими телохранителями, Император поработал лично. В результате их агрессия стала узконаправленной и не могла быть обращена против хозяина и членов его семьи. Подавленную энергию он перевел в иное русло. Это привело к тому, что его телохранители

пользовали женщин в невероятных количествах. Хозяин не возражал – пусть рожают будущих солдат Империи Россис...

Лунит вошел на террасу, и Император почему-то сразу же подумал о жабе. Низкий мужчина с темным лицом и широкой щелью рта. Влажные губы, пухлые руки. Просторный зеленый плащ с капюшоном. Один глаз мастера был закрыт повязкой. Нет, не повязкой, – империадом. А под монетой... О Господи! Неужели бедняга носит ЭТО все время?..

От сектанта дурно пахло. Император хорошо знал этот запах – запах опасности. Не примитивной, не грубой, как удавка на шее, а подкрадывающейся исподволь, но зато имеющей катастрофические последствия. Это означало только то, что рано или поздно от лунита придется избавиться. А может быть, и от всей его шайки.

Вошедшего звали Грегор. Он сразу же отыскал Императора своим единственным глазом. Обычно детские игры в невидимость вызывали у него лишь снисходительную улыбку, однако сейчас он не позволил себе улыбнуться. Слишком многое зависело от настроения монарха... и, как ни странно, от его аппетита. Аппетита к разрушению.

За спиной Грегора размеренно дышал телохранитель – на первый взгляд, почти неуязвимая тварь, хотя мастер взялся бы за неделю свести ее в могилу. Не помогли бы мечи, арбалеты, фетиши и очистительные ритуалы. Слабые места людей Грегор умел находить сразу же. Другое дело – Император. Незыблемое существо. Тот, который правит сбродом и удерживает пошатнувшийся мир на краю хаоса.

Мастер секты остановился в пяти шагах от Императора, правильно определив приемлемое расстояние. Это избавило охранника от необходимости останавливать его, а хозяина – от неприятных ощущений.

Император пребывал в совершенном покое; даже дыхание его было незаметно. Грегор еще раз убедился в том, что тот слишком силен, и следовательно, секта избрала верный путь. Мастер отдал должное банальному ритуалу, изобретенному, конечно же, для людей, придающих большее значение форме, чем содержанию.

Он низко поклонился, а когда выпрямился, в его руках был подарок – светящийся шар, поместившийся на ладони. Грегор убрал руку, и шар поплыл к Императору. Он плыл медленно, не вращаясь и излучая холодный молочно-белый свет...

Император пропустил шар сквозь уплотненный слой воздуха, окружавший его фигуру невидимой защитной оболочкой, и поймал кончиками пальцев. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это миниатюрная Луна – с темными пятнами морей, хребтами, ущельями, кратерами, – потрясающе точная копия ночного светила, только от нее исходил собственный, а не отраженный свет. Император повернул шар и впервые в своей жизни бросил взгляд на невидимую сторону Луны – на незнакомые очертания гор, никем не названные моря, цирки, подобных которым он не встречал на Земле... Шар был теплым, но это было не заимствованное тепло человеческих рук. Внутри пористого материала тлел разрушительный огонь.

– Откуда ты знаешь, как выглядит темная сторона?

– Мой дух странствовал там, Ваше Императорское Величество, – с деланным смирением произнес Грегор.

Что ж, это было исчерпывающее объяснение. Император понял, с кем имеет дело. На всякий случай он отбросил шар подальше от себя. Тот упал на каменные плиты, но не разбился, а медленно откатился к самому краю террасы. Он катился слишком медленно и завершил свой путь плавной спиралью. Цвет свечения изменился на болотно-зеленый.

Грегор не обиделся. Он и сам давно уже не принимал никаких подарков. Любой подарок – это начало мистической зависимости и вполне реального конца.

Стоя в зеленоватом сумраке, мастер Грегор изложил свою просьбу.

Вначале Император подумал, что совершил ошибку, согласившись принять свихнувшегося фанатика, и пожалел было о потерянном времени. Однако он знал, что пользу можно извлечь из чего угодно; все дело лишь в удачном маневрировании.

– С чего ты взял, что меня заинтересует твоё предложение?

Грегор терпеливо пояснил.

– Война с Четвертым рейхом неизбежна, не так ли? Это не тайна для любого, у кого есть глаза и уши, а также хоть капля мозгов. В таком случае желательно, чтобы пограничные королевства стали нашими надёжными союзниками. Особенно Булхар – как самое сильное из них...

– Ближе! – перебил его Император. – Подойди ближе!

Грегор сделал три шага. Теперь он видел даже морщины на лице Императора и ощущал сопротивление уплотнённой среды.

– Продолжай!

– Старый Люциус дышит на ладан. Не сегодня-завтра Гальварус станет королем. После свадьбы с ним может произойти какая-нибудь неприятность. Скажем, гангрена. Или злокачественная опухоль. Короче говоря, он умрет. После этого Булхар станет вашей провинцией.

– Допустим. Надеюсь, ты небескорыстен?

– Конечно, нет, Ваше Императорское Величество. В случае успеха я попрошу у вас часть Казского хребта, которую укажу сам. В вечное и необлагаемое налогом владение.

Император улыбнулся своим мыслям. Гнездо некромантов находилось слишком далеко от столицы, чтобы он мог контролировать их. Зато мастер всегда будет под рукой... Но было еще кое-что, о чем Грегор не упомянул, – с востока накатывались племена желтолицых варваров, и Император знал, что не сможет защитить свои земли, сражаясь против двух сильных врагов. Ему нужна была быстрая победа над рейхом, и тогда можно будет сколь угодно долго сдерживать нашествие варваров в узком горлышке континента. Поборов отвращение, он выдавил:

– Излишне говорить, что настоящая принцесса не должна пострадать. Я имею в виду...

Теперь Император увидел улыбающуюся жабу.

– Поцелуй смерти, – быстро подсказал Грегор.

– Да, ЭТО можно назвать и так. В противном случае...

– Я понял. Если бы я хотел совершить ритуальное самоубийство, то выбрал бы более простой способ. Но Ее Высочество должна исчезнуть примерно на год. Ее никто не должен видеть. Иначе игра окажется бессмысленной.

Грегор следил за ложью, стекавшей с губ, и ложь становилась правдой. Все зависело от точки зрения. Он умел менять точку зрения так, что этого не замечал никто.

– Год... Что ж, я дам тебе год...

Император отвернулся в знак того, что аудиенция окончена. Сектант поклонился и заторопился по своим темным делам. Полы его плаща шелестели, словно крылья летучей мыши.

– Лазарь, говоришь? – вдруг произнес Император вслед уходящему человеку. Очень тихий голос догнал Грегора и пригвоздил к месту. Мастер спиной ощутил чье-то дыхание, хотя охранник находился в нескольких шагах от него.

– Ты богохульник, Грегор, – прошептал тот же голос в самое ухо.

Несмотря на панцирь, сковавший тело, Грегор медленно повернулся и склонил голову в знак уважения.

– Кажется, мы прочли одну и ту же древнюю книгу, – предположил сектант, на минуту позабыв об этикете. Все повисло на очень тонкой ниточке.

– У меня широкие взгляды, – с иронией бросил Император. – Та книга мертва и забыта, хотя некоторые строчки доставили мне удовольствие.

И он погрузился в себя, забыв о существовании лунита...

* * *

Он долго сидел в одиночестве, размышляя о незначительной мелочи, которая не давала ему покоя. Существовал единственный способ вернуться в состояние равновесия. Император снова вызвал Гемиза и отдал тому короткий приказ. Он подождал еще минут десять, а потом пошел взглянуть на то, что сделали чужие покорные руки.

В одном из темных закоулков дворца ему показали тело охранника, который был невольным свидетелем его разговора с Грегором. Вокруг шеи мертвеца пролегла тонкая багровая полоса. Император коснулся еще теплой кожи трупа и закрыл его выпученные глаза.

Он с облегчением почувствовал, как улетучивается тревога. К нему опять возвращалось то, что не купишь ни за какие сокровища мира, – безупречный и безмятежный покой.

То, что пытался разрушить Грегор.

Покой.

3

Принцесса Тайла была юной, хрупкой, неискушенной в дворцовых интригах и не понимала, чего от нее хотят. Вначале отец объявил о своем решении отправить ее в женский монастырь, и одно это расстроило девушку до слез. Она знала, что такое жизнь среди монахинь. Ее ожидали скучные уроки по богословию и демонологии, еще более скучные молитвы, однообразные дни, похожие на годы, и спертый воздух келий, в которых можно считать себя похороненной заживо...

А чуть позже появился страшный низенький человек. От его рук пахло сырой землей и мертвыми насекомыми. Он принялся раскладывать перед нею какие-то инструменты, не менее отвратительные, чем он сам. Ей сказали, что это врач, но гораздо больше неизвестный был похож на могильщика. Тайла увидела край бумажного листа, торчавшего из его потертого черного саквояжа. Лист был исписан рваными лесенками гексаграмм. Принцесса изумилась; потом оказалось, что и это одобрено Императором. Человек в зеленом плаще взял своими влажными пальцами ее бледную анемичную руку и долго прощупывал, всматриваясь в сложный и едва заметный рисунок вен...

Тайла не успела испугаться. Она слишком привыкла к безопасности, к тому, что во дворце ей ничего не угрожает. Она испытывала только брезгливость, пока ее не схватили цепкие руки служанок. Эти женщины, которые всегда были вкрадчиво-угодливы и ласковы с нею, вдруг оказались сильными и жестокими.

Тайла пыталась вырваться, но тщетно билась в удерживавших ее тисках. Одноглазый мужчина прятал за спиной какой-то предмет с пожелтевшей костяной рукояткой. Ее последней мыслью было, что она видит дурной сон, а потом перед нею заблестела кривая игла. Игла приближалась к белой подрагивающей руке...

Боль была ничто по сравнению с пронзившим ее сердце страхом. Она увидела темную вязкую жидкость, ползущую внутри прозрачной трубки, и обморок наконец позволил Тайле исчезнуть.

4

Человек по имени Вальц был убийцей и никогда не жалел об этом. Он достиг совершенства в своем ремесле. Единственное, о чем приходилось сожалеть, это о том, что мало кто мог оценить его искусство. Разве что... жертвы, но вспышка их чувств длилась недолго

– минуты, иногда часы. Самому Вальцу хватало впечатлений, полученных при созерцании смерти, в лучшем случае до утра.

Еще его искусство покорило тех, кто охотился за ним, – сторожевых псов закона, – но совсем по-иному. Оно ужаснуло их, как ужасало мирных пугливых обывателей, и сделало вечными спутниками Вальца, его последователями и преследователями.

В конце концов они загнали убийцу в угол, и этим лишили себя красоты и тайны. Он не обижался на них – он был горд тем, что познал вещи, к которым другим людям не дано прикоснуться. Вещи, о которых некоторые боятся даже думать...

Вальц до сих пор не мог понять, как он попал в лапы императорских ищеек. Должно быть, его конец был предопределен свыше, и было бы глупо сопротивляться Истинной Силе. Нет, Вальц оказался не настолько самонадеян. Он был совершенным орудием смерти, он избегал невысказанных ловушек, но теперь его время кончилось. Его приговорили к казни через повешение, и он пришел к выводу, что ничего не имеет против. Если в загробном мире ему суждено встретиться со своими жертвами и у них будут глаза (в чем Вальц сильно сомневался), он преспокойно посмотрит в эти глаза своим ясным чистым взором, и может быть, даже ТАМ ему снова захочется убивать...

Вальц улыбнулся своим мыслям. Холод и сырость царили в камере, в которую заточили узника тупые животные, лишённые чувства прекрасного, но это несколько не беспокоило его. Как и цепи, сковывавшие руки, ноги и скрепленные на поясе. Они стесняли движения, но были не в состоянии помешать полету его фантазии.

Вместо покрытых плесенью стен он видел сны: юное девичье тело под голубой луной – целый мир, облитый волшебным светом; рельеф с холмами, впадинами, равнинами – и Вальц перекраивал этот мир своим острым, как бритва, ножом... Или другое: старуха, задолжавшая костлявой несколько лет, и Вальц помогал смерти получить то, что ей причиталось. Или мужчина в расцвете сил; удача, слава, богатство, любовь – часто этого достаточно, чтобы забыть о собственном ничтожестве. Вальц просто напоминал самодовольным о тщете существования и возвращал забывшихся в прах...

Собственную казнь он тоже собирался превратить в мимолетное, но запоминающееся произведение искусства. У него это почти получилось. Утром Вальца вывели наружу, и яркое солнце ослепило его. Потом приговоренного везли по улицам в какой-то клетке, и люди бросали в него оскорбления, птичьи экскременты и гнилые фрукты, а он безмятежно улыбался им, снова обнаружившим свою тупость и трусость. Его улыбка постепенно возымела на толпу парализующее действие. Многим она внушала необъяснимый страх.

Вальца втащили на эшафот – цепи мешали ему взойти по ступенькам. Отсюда он окинул взглядом притихшее людское море. По обе стороны от эшафота выстроились имперские солдаты. Вдали, на краю одной из самых больших площадей Моско, были видны темные коробочки карет; из окошек за ним наблюдали бледные настороженные лица.

Вальц улыбнулся распорядителю казни, как родному брату, пришедшему на помощь в трудную минуту. С него сняли цепи. Законник выкрикивал что-то в пронизанный светом воздух, а потом осведомился о его, Вальца, последнем желании.

У Вальца было последнее желание. Он попросил приблизиться к краю эшафота. Здесь он опустил штаны и начал мочиться. Тугая струя выгнулась дугой, орошая первые ряды. Толпа отхлынула, но стоявшие сзади сдержали натиск передних, и тем не удалось отодвинуться так далеко, как хотелось бы.

Палач ударил Вальца между лопаток, схватил за шею и грубо толкнул к виселице. Убийца отказался от мешка, стал на люк, который должен был провалиться под его ногами, и ощутил щекочущее прикосновение веревки. Он по-детски засмеялся и подставил лицо теплым лучам солнца. Все эти люди желали ему зла, но он не верил, что ТАМ будет хуже...

Секунды звенящей тишины.

Металлический лязг, судорожный вдох, уже неразличимый хруст шейных позвонков. Конечности повешенного дернулись несколько раз, как у балаганного клоуна. Одна чувствительная дама упала в обморок.

Сопровождаемый проклятиями, Вальц отправился навстречу своей мечте. Смерть встретила его мгновением боли и ласковой бархатной тьмой...

* * *

Поднявшийся к ночи ветер раскачивал труп на опустевшей площади. Вороны терпеливо ждали на крышах ближайших домов; самые смелые из них уже сидели на перекладине виселицы. Им внушала некоторые опасения странная подвижность мертвеца. Казалось, что он шевелит руками; во всяком случае, руками явно шевелила его длинная вытянутая тень.

Вороны ждали долго...

Когда начал гаснуть свет в окнах, обращенных к площади, исчезла и страшная тень. Одна из птиц прыгнула на голову трупа. И... ничего не случилось. Теперь они раскачивались вместе, и ворона даже находила в этом какое-то удовольствие. Она нацелилась клювом в приоткрытый и остекленевший левый глаз, который заманчиво поблескивал, будто осколок зеркала. Ее спугнул раздавшийся поблизости стук копыт.

Черный тяжелый экипаж, запряженный четверкой, ворвался на площадь. Он был похож на катафалк, но люди, прибывшие в нем, были из другого департамента. Они имели всего лишь четыре глаза на троих, и это не могло быть случайным совпадением.

Неизвестные действовали быстро и слаженно. Кинжал перепилил толстую мохнатую веревку, и шесть рук подхватили мертвеца. Когда его сносили с эшафота, свернутая набок голова сильно ударилась о ступеньку.

– Осторожнее, болваны! – прошипел глухой голос из кареты.

Края рваной раны на голове Вальца разошлись, но крови не было. Трое бережно погрузили труп в экипаж. Разгоряченные кони повлекли его за собой в глубокое ущелье улицы.

Вся операция заняла не больше минуты. Так, в нарушение обычая, согласно которому преступник должен был болтаться на виселице три дня, труп повешенного был снят в первую же ночь после казни.

Разочарованные вороны снялись с насиженных мест и растворились в темноте.

5

Приор Нового Доминиканского Ордена Преподобный Ансельм считал свою смерть отвратительной и бессмысленной. Его попросту зарезали, как ягненка. Сзади. Жертвенным ножом.

В краткие мгновения, пока его сознание рассыпалось широким веером, превратилось в истекающую мукой черную звезду и наконец погасло, свернувшись в точку, он успел испытать многое: и сожаление по поводу утраченной жизни, и тоску по всем радостям – плотским и духовным, – которых он не успел познать, и горечь обманутого человека, и ненависть к обманувшему, и все-таки благодарность за то, что умирал он, не страдая от усиливающихся болей, как полагалось бы умереть при его болезни, а быстро и почти безболезненно.

Не миновало его и разъедающее душу сомнение, только вот времени у этого червя было немного. Ансельм кое-чего так и не понял. Зачем Грегор позволил ему пересечь море, хребет Кромы и большую часть территории Россиса? Затем, чтобы прикончить здесь? Сектант мог сделать это еще на корабле, и рыбы в Темном Море сожрали бы хрупкую плоть доминиканца... И все же – глупец он, глупец, потому что поверил чужеземцу. Чернокнижнику. Твари неверной. Врагу по воспитанию и по крови...

И бессмысленно лгать себе, что желал Преподобный только пользы Ордену и вреда исконному противнику. Ведь имел же он и надежду – пусть исчезающе малую, – что Грегор излечит его от смертельной болезни... А с этим был связан и неизбежный мотив предательства – Ансельм позволил сектанту ознакомиться с тайными письменами, найденными в развалинах монастыря под Менгеном, но разве мог он быть уверен в том, что сие знание не заключает в себе непостижимый вред? Нет, не мог. Но согласился на предложение Грегора.

Быстро.

Поспешно.

Непристойно.

И не было ему с тех пор покоя. До той секунды, пока не сверкнул за спиной кривой жертвенный нож и не избавил от пытки, которую уготовила людям нечистая совесть.

Ансельм умер раньше, чем плечи его коснулись сырой земли на дне длинного металлического ящика. Острые лезвия почти мгновенно освободили его от одежды. Земля была черная, влажная, рыхлая – настоящий могильный покров, место обитания червей, идеальная среда для гниения и распада...

Дело происходило ночью, в каких-то глубоких пещерах, выбитых в безлесных горах намного севернее Йеру-Салема, где должно было завершиться его паломничество. Города Империи Ансельм видел лишь мельком, из окна кареты, которую на протяжении всего пути покидал лишь по нужде. От него скрывали все – и цель, и обстоятельства путешествия. Грегор обращался с ним, как с пленником, и пропускал мимо ушей его вопросы. Ансельм и был добровольным пленником, и ему приходилось не раз напоминать себе об этом.

Будто жертвенное животное, провезли его через всю страну и ввергли в сумрачное подземелье с завязанными глазами. Выходит, для того, чтобы здесь убить. Что ж, он должен был учитывать и такую возможность. Он знал, на что шел. Он принял смерть молча, а если и роптал, то винил во всем себя, а не своего Бога.

Он умер и не ощутил неудобства сырой могилы. Потом она стала еще грязнее, когда сектанты вскрыли запечатанные сосуды с кровью, привезенные из столицы, и увлажнили его последнее ложе еще и неведомо как сохраненной жидкостью. Земля слой за слоем – и кровь. Совсем немного – по нескольку капель в каждом слое. Преподобный покоился внутри этого отвратительного пирога. Земля покрыла его и черной ватой застлала уши. Ее рыхлые частицы проникли в нос, засыпали полуоткрытый рот, придавили опущенные веки...

Саркофаг накрыли прозрачной крышкой из материала, похожего на слюду, с необычными преломляющими свойствами. Крышка была обрамлена по краю металлом и закрывала саркофаг так плотно, что внутрь не проникал даже воздух.

Грегор лично руководил погребением. Он пробовал пальцами землю и отмерял по каплям кровь. Монета в его левой глазнице сияла тускло, как кусок свинца в изменчивом факельном свете. В третий раз он прибежал к услугам Монорельса и надеялся, что теперь достигнет гораздо большего, чем раньше. Сила и мудрость приносят удовлетворение тогда, когда они действуют слитно с желаниями. На этот раз на чаше демонических весов лежали не только желания мастера секты, но и потребности самой жертвы. И даже – Императорского дома. Но об этом лучше не думать. Чрезмерные аппетиты правителей иногда перерастают в безумие. Однако благодаря этим аппетитам Грегор выторговал кровь принцессы Тайлы и труп человека, который был известен в Моско как Расчленитель Вальц...

Шестеро младших членов секты по знаку некроманта подняли саркофаг и понесли его к темному зеву, из которого торчал стальной язык. Или – согласно традиции – Голова Змеи. Голова и Хвост были определены раз и навсегда, хотя мало чем отличались друг от друга. Никто никогда не пытался провести саркофаг в обратном направлении. Даже Грегор допускал, что существуют вещи, которым лучше вечно оставаться погребенными под покровом темных пророчеств и бессознательного ужаса...

Сектанты установили саркофаг на Монорельс и удалились из пещеры. Ночь новолуния перевалила через свой апогей. Среди застывших в немоте гор под тусклыми чужими звездами пустился Преподобный Ансельм в свое последнее путешествие.

* * *

Первый сон настиг его на южной излучине Монорельса, когда Луна приоткрыла свой диск больше, чем на две четверти. Да и был ли это сон? Лазарь не задавал себе подобных вопросов. Просто в неопишемости небытия вдруг забрезжило что-то: обрывки видений, которые он воспринял вполне безразлично. В них он оставался бесплотным соглядатаем, подсматривавшим за чужой жизнью; у него еще не было собственных чувств. Ни зависти, ни надежды.

Он созерцал то, что никогда не снилось при жизни ни одному из его ингредиентов. Сновидения принадлежали другим людям, но лазарь еще не испытывал ни удивления, ни ужаса при мысли о собственном распаде. Он был тенями, наложенными друг на друга и слившимися воедино. С помощью стеклянной призмы можно разделить свет на разноцветные лучи, но что могло разделить тени?..

Ему снился дворец, в котором он никогда не был. Опочивальня, погруженная в сумрак, колышущийся балдахин, мягкое мерцание золота, туманные пятна гобеленов... Судя по роскоши убранства, королевские или герцогские покои. Из-под балдахина выглядывало выбеленное лицо мужчины, очевидно, приготовившегося к ночи любви, но при этом лицо выражало настороженность, если не испуг.

Кто-то (наверное, спящий) опустил взгляд, и лазарь увидел свои руки. Нет, не руки, а лапы. Широкие, покрытые короткой серой шерстью, с блестящими треугольниками когтей. Волчьи лапы.

Волк в опочивальне – что бы это значило? Возможно, демоны Селены, раздающие людям сны, перепутали местами кошмары...

Со всех сторон повалил дым, затягивая предметы темной пеленой. Вскоре лазарь потерял зрение внутри дымного столба, а слуха и обоняния у него не было до сих пор. Его окружала чернота, в которой теплилось недоразвитое сознание. Тонкая грань между явью и сном...

Когда дым рассеялся, он увидел ту же картину, только с другой точки зрения, находившейся значительно выше. Кровать подплыла ближе – кто-то сделал несколько шагов. Теперь лазарь мог рассмотреть мужчину под балдахином. Тот был холемым, но не изнеженным. Всего за несколько секунд черты его лица глубоко западали лазарю в память, если только суждено сохраниться такой хрупкой и непредсказуемой вещи, как память... Мужчина улыбнулся подрагивающими губами; лазарю показалось – облегченно.

Он протянул к лежавшему руку (теперь уже действительно руку, а не лапу). Слишком тонкие и хрупкие пальцы. Красивая, утонченная рука. Перстни на трех пальцах и длинные розовые ногти... Это была, вне всяких сомнений, женская рука. Она вытягивалась, пока не коснулась щеки мужчины. После этого лазарь завертелся на черно-белой карусели и пережил новую смерть. Тихую и неосязаемую. Он просто равнодушно расстался со своим сном.

Второе видение посетило его в полнолуние, но лазарь, конечно, ничего не знал об этом. За слюдяным окном была только невысыхающая земля и тончайшие узоры из капель крови. Погребенный не дышал и не шевелился. Однако к исходу той ночи земля в саркофаге начала медленно, едва заметно пересыпаться...

А снился ему монастырь посреди леса. Заброшенные руины, вызывающие неизъяснимо сладкую печаль. Впервые лазарь настиг призрак чужого чувства. Деревья старого сада

беззвучно пошатывались под натиском неосязаемого ветра. Быстрые изломанные тени на сером фоне неба были встревоженными птицами. Потом он увидел и причину их тревоги.

Высокий человек в плаще с грязно-белым мехом, обернутым вокруг голой шеи, пробирался между развалинами. Выше рта его лицо было скрыто под жутковатой маской, сделанной из передней части неправдоподобно огромного черепа. Нижняя челюсть черепа и верхние зубы отсутствовали, на их месте были видны бескровные губы и обтянутые лиловой кожей скулы незнакомца. Человек был ранен или измучен долгим переходом; он пошатывался, но не потому, что был пьян. Он держал в руках какой-то темный предмет. Не оружие, однако что-то очень опасное.

Какую-то книгу.

Книгу ЕГО судьбы.

Лазарь ощутил страх. Неясный, неотвязный, липкий...

И опять – дымное облако и незаметное перемешивание участников сна. Он сидит в кресле и видит свои ноги, обутое в сапоги. На его плечах и груди лежат пряди длинных седых волос. Он поглаживает их еще не морщинистыми руками...

Лазарю становится не по себе. Он заполняет собой пустоту, оставшуюся после того, как над этим несчастным поработали лишения и безграничное одиночество.

Он – одна из иллюзий душевнобольного, призрачная личность, поселившаяся внутри седоволосого человека. Если бы тот до сих пор осознавал себя как человека по имени Ансельм, то все его представления о мире и Боге оказались бы перевернутыми с ног на голову. К счастью для него, Преподобный умер. Вскоре исчезли и иллюзии, вызванные к существованию кратковременным сочетанием света и тьмы.

Саркофаг замирает в одном из хрустальных гротов. Впереди – долгий спуск и загадочная излучина Монорельса, знаменующая собой Луну, идущую на убыль.

Потом случилось то, чего не мог предусмотреть даже Грегор, слишком занятый погребенными в земле, чтобы обращать внимание на небесные письма.

Лунное затмение началось в самую глухую пору ночи. Тень напозла на сияющий серп и превратила его в пепельный след. В саркофаге зашевелилась земля. Никто не знал последствий случившегося. Земля вздрагивала; под нею болезненно корчилось то, что уже не было трупом. Его безмятежные сны сменились кошмаром...

* * *

Мастер Грегор проснулся за много лиг от того места. Ему вдруг стало неудобно и тревожно. Дыхание сектанта было прерывистым. Какие-то удушающие миазмы расплзались в воздухе. Это не было болезнью тела или души. Это означало какое-то искажение судьбы, предначертанной Грегором для своего создания. Он понял, что никогда не узнает, в чем заключается искажение, а если и узнает, то уже ничего нельзя будет изменить.

В ту ночь мучительной бессонницы Грегор впервые усомнился в возможностях некромантии.

* * *

...И наконец – время узкого серпа. Упадок. Приближение новолуния.

Рельеф земли в скользящем гробе непрерывно меняется, как будто в заточении томится маленький крот. Между ее поверхностью и прозрачной крышкой образовался значительный зазор, и это означает, что труп уменьшился в объеме. Но куда девается вещество из наглухо запечатанного саркофага? Убывает и прибывает, превращаясь в свет?

Ответы на эти вопросы не знает даже Грегор. Он просто ждет. К концу лунного месяца мастер возвращается из своей горной обители в Долину Мертвых, чтобы увидеть лазаря своим единственным глазом. Но прежде – еще один бесцветный сон в бесстрастном потоке, пронизывающем содержимое саркофага.

На этот раз лазарю снились люди, жившие в щелях под тусклой свечкой маленького солнца. Он смотрел на них тысячью глаз из темноты, словно сам был субстанцией враждебного космоса, который обволакивал и изолировал их. Он даже как будто слышал закливающие его голоса и обращенные к нему невнятные молитвы. Никто не понимал его сущности, и ему самому не была доступна эта тайна. Кем он был – демоном, призраком, сторожевым псом, кошмаром, сотканным из проклятий и проникающим во все головы одновременно?.. Нет ответов. Существа приходят к нему, проводят с ним время, отведенное для жизни, и умирают, так и не получив от него ничего, кроме временного пристанища...

Иногда в нем открывались коридоры, по которым перетекала колдовская сила. Он не отождествлял себя с нею. Он был тем, что позволяло этой силе течь. Он существовал вечно вне этого краткого сна. Великий. Необходимый. Прикованный к вечности тяжелыми цепями чужих молитв...

Когда закончилось и это видение, он уже мог слышать далекие гулкие звуки, доносившиеся сквозь толщу земли, – содрогания планетной коры. Это, как и приливы, судорогой пробегавшие по телу Луны, причиняло ему некоторое неудобство. Вроде прикосновений, которые заставляют спящего вздрагивать.

Итак, женщина, мужчина, бесполой дух... Еще не появилось мотивов, чтобы думать об этом. Еще не появилось и самих мыслей. Но скольжение по Монорельсу подходило к концу, и существо в саркофаге было готово пробудиться ото сна.

* * *

Грегор и сопровождающие его сектанты вошли в пещеру, почти неотличимую от той, которая находилась в двух днях пути отсюда. От входа задувал поющий осенний ветер. Была ночь новолуния, и темная повязка с монетой прикрывала левую глазницу мастера. Потускневший металлический диск с рельефным портретом Императора скрывал насекомое лучше, чем искалеченное операцией веко. В безлунные ночи Грегор нуждался в защите, как простой смертный, и даже более. Занятия магией требовали жертв. Для плотной материи вроде оружия не оставалось ни времени, ни сил.

Он увидел саркофаг, застывший в Хвосте Змеи. По его знаку сектанты осторожно открыли крышку. Грегор опустил руку и дотронулся до земли, которая теперь была теплой. Примерно такой же теплой, как человеческое тело... Он принялся осторожно снимать землю слой за слоем, пока не обнажились нос и подбородок лазаря. Прикосновения пальцев Грегора стали еще более легкими и даже нежными. Он убрал с лица остатки багрово-черной грязи, и оно заблестело неестественной белизной.

При виде этого лица сектанты, стоявшие поблизости, отшатнулись. Они были еще слишком молоды, чтобы помнить и понять все. Грегор улыбнулся и обвел их безразличным взглядом. Он тоже боялся, но умел отторгать собственный страх. Боялась его животная половина; другая половина принимала как должное самые пугающие вещи...

Грегор наклонился и коснулся губами носа лежащего человека. От плоти лазаря пока исходил тяжелый смрад сырого подполья. Мастер с силой втянул в себя воздух, очищая чужие ноздри от забившейся в них земли. Рыхлые комья и затхлый воздух оказались у него во рту, и он выплюнул их вместе со слюной. После этого Грегор вытащил запавший язык лазаря и выдохнул все, что осталось в легких. Ему мучительно хотелось вдохнуть, но он не позволял себе этого...

Наконец тонкая струя темного дыма потекла из его внутренностей; дым не поднимался кверху, а стелился по земле. Грегор соединил свои уста с устами лазаря. Горло мертвеца дрогнуло под его чуткими пальцами. В глазах потемнело. Мастер понял, что задыхается. Что-то пыталось удержать его от возвращения, и он с трудом оторвался от холодных губ, преодолевая некую враждебную силу. И почти сразу же увидел, как земля начала осыпаться с поднимающейся груди лазаря.

Существо, которое лежало в саркофаге, сделало глубокий вдох. Вначале его дыхание было прерывистым, затем стало более ровным и почти незаметным. Существо вдыхало не чаще одного раза в минуту.

Когда Грегор разбудил его резким ударом по щеке, оно медленно поднялось – голое, казавшееся жалким и замерзающим. Длинные ногти, отросшие после смерти, еле слышно царапали по металлу. Глаза лазаря широко распахнулись; их взгляд оставался пустым до тех пор, пока мастер не прошептал в самое ухо существа:

– Я обещал исцелить тебя и сдержал свое слово.

После этого могло произойти все что угодно. Грегор был готов к самому худшему. Сектанты стояли полукругом за спиной лазаря и держали под плащами обнаженные мечи.

Но во взгляде существа появилось только мучительное узнавание. Тогда мастер удовлетворенно улыбнулся и про себя ниспослал благодарственную молитву Сатанубису.

Одежда уже была приготовлена. Грегор вышел из пещеры, а лазарь держал его под руку. Они сели в ожидавшую их карету.

В западной стороне над горами висела голубая звезда, дольше других сопротивлявшаяся наступлению утра. Карета помчалась к ней по узким горным дорогам, как будто где-то за горизонтом была назначена их встреча.

6

Старый король Люциус умирал, позабытый всеми. И хотя говорят, что «бывших» королей не бывает, это не совсем так – те, кому Господь не дает быструю и славную смерть, становятся «бывшими» за несколько дней, часов или минут до смерти. Обычно последние дни, часы, минуты – самые страшные в их жизни, и Люциус не был исключением.

Чувствуя, что недуг и старость сводят его в могилу, он объявил королем своего сына Гальваруса. С этого момента Люциус превратился в дряхлое ничтожество, докучавшее всем своим никчемным существованием. И если в непосредственной близости от его покоев придворные еще соблюдали фальшиво-благочестивую тишину, то в остальных помещениях дворца веселились откровенно и с полным самозабвением.

Шум свадьбы доносился в спальню Люциуса сквозь единственное высокое окно. Что делать – жизнь коротка, благосклонность судьбы непредсказуема; надо успеть получить свою долю праздников и наслаждений, пока их не отняли те, кто карабкается по лестнице успеха с еще большим азартом...

Все оставили короля-вдовца, будто прах его уже был развеян по ветру. Рыцари, с которыми он делил тяготы и утехи молодости, отсиживались в своих замках, парализованные слабостью и страхом, а новое поколение хорошо усвоило, что служить надо одному хозяину – и притом самому сильному. Эти душой и телом принадлежали Гальварусу.

Для Люциуса женщины тоже остались в прошлом. Женщины монархов почему-то особенно уязвимы... Другим придворным было не до ностальгических визитов. Каждый занялся устройством личной судьбы – спешил понравиться, войти в доверие, заручиться поддержкой, обеспечить прочный тыл. Непостижимо сложная машина интриг не останавливалась даже на самое короткое время. Тысячи нитей сплетались и расплетались в ней,

никогда не затягиваясь в безнадежные узлы. Чья-либо смерть означала всего лишь устранение старых и появление новых марионеток.

Гордость за сына была чувством сомнительным и быстро растворилась в зависти и горечи. Люциус завидовал Гальварусу – его молодости, наглой силе и даже его забывчивости. Впрочем, старый король сохранил достаточную ясность ума, чтобы признать: благодарность нельзя отнести к числу полезных качеств венценосных особ. Люциус считал, что Гальварус поторопился со свадьбой, но гораздо сильнее его уязвило то, что сын даже не счел нужным представить ему свою избранницу. Если верить постельничему, та была русской принцессой...

Что ж, сын умудрился и в этом по неведению досадить отцу. Когда-то, много лет назад, Люциус сам женился на девушке королевской крови, однако на протяжении всей недолгой супружеской жизни они испытывали друг к другу только одно чувство. Это была тихо тлевшая ненависть.

Их брак оказался следствием дипломатической игры, свидетельством торжества политики россос на западе, и таким образом являл собой скрытую форму рабства. При всем том королева Майрина отнюдь не была уродлива. Напротив, ее красотой восхищались. На расстоянии. Она была опасна, как смазанный ядом клинок, а о ее жестокости и маниакальной подозрительности ходили легенды.

Еще одна маленькая деталь. Люциусу никогда не нравился ее запах. Неприятный, неопишуемый запах, во многом бывший причиной того, что супруг не проявлял в постели чудес мужественности.

В памяти Люциуса остался один особо красноречивый эпизод. Он возлег с Майриной вдрызг пьяным и очень скоро забылся крепким сном. Но, как оказалось, не настолько крепким, чтобы не проснуться от резкой кратковременной боли в предплечье. Открыв глаза, он увидел, что королева сцезивает в непрозрачную бутылочку кровь из его вены. Она держала в руке ланцет, и ее лицо было таким странным и страшным, что Люциус вдруг утратил волю к сопротивлению. Он лежал, как покорный баран, покрывшись липким потом, пока операция не завершилась и Майрина не опечатала бутылочку сургучом.

Зачем ей понадобилась его кровь? Этого он не узнал никогда. Но с тех пор тревога и неуверенность уже не оставляли его.

А потом Булхар поразила холера, и королева умерла, не оставив детей. Люциус возблагодарил неведомого избавителя и пустился во все тяжкие, дабы удостовериться в своей мужской силе и утвердить пошатнувшееся достоинство. К тому времени влияние россос ослабло, и никто не навязывал королю новый брак. То были годы относительного покоя и процветания.

Мать Гальваруса осталась безвестной. Она сыграла свою роль – подарила королю наследника – и навсегда ушла со сцены. Возможно, на тот свет. Об этом побеспокоились люди Люциуса, чью верность он купил. Теперь судьба наградила его холодеющей постелью, пустотой в сердце и звуками чужого ликования за окном...

В отличие от своего отца, Гальварус сделал выбор самостоятельно. Или почти самостоятельно. Похоже, он не жалел об этом. Во всяком случае, новому королю было не занимать уверенности в себе. Русская принцесса нравилась ему. Он взял ее – о чем еще тут рассуждать? Гальварус жил одним днем и одной ночью, выжимая дни и ночи до предела. В этом была его сила и его слабость.

Как видно, со временем исчезали предубеждения против уроженцев Россиса. Извечные враги постепенно сближались, но Люциус был уверен, что друзьями им не стать никогда. Тайная война, соперничество и шпионаж будут продолжаться вечно или до полной победы одной из сторон. Судя по безрассудному поведению правителей рейха, этой стороной будут терпеливые и настойчивые завоеватели с востока.

...Люциус лежал и, за неимением лучшего занятия, предавался воспоминаниям. Наверное, у него были и другие внебрачные дети, готовые заявить о своих правах и начать борьбу за власть. Поэтому, во имя спокойствия в королевстве, он поторопился объявить королем Гавльваруса и если сожалел о чем-либо, то лишь о том, что жизнь вообще устроена так нелепо.

* * *

Слабым голосом он окликнул постельничего – почти такого же старика, как он сам. Тот угнетал Люциуса одним своим видом и шаркающей походкой. Старики живут среди призраков, и худшие из призраков те, что похожи на них самих. Это было невыносимо.

Люциус осведомился о лекаре. Выяснилось, что тот отправился за снадобьями к какому-то аптекарю-иудею. Старик решил, будто и этот пес, десятилетиями кормившийся крохами с его стола, наконец сбежал. В бессильной ярости он вцепился в край одеяла бледными немощными руками. Суставы на них вспухли и превратились в розовые шарики, соединенные тонкими фалангами... Ему показалось, что свечи чадят в душной полутьме. Он попытался встать, и злоба на весь мир придала ему сил. Люциус догадывался, что это его последняя схватка с неизлечимой болезнью под названием старость, схватка, которая лишь приблизит неизбежный конец, но не мог больше ждать.

Слуга бросился к нему с протестующими возгласами. Люциус ударил его наотмашь, разодрав отросшими ногтями кожу на щеке. Потом все же подозвал к себе и приласкал в страхе потерять эту жалкую опору. Слуга помог ему добрести до окна и раздвинул тяжелые мертвенно-пыльные портьеры.

Ночь была за окном. Ночь, оттенявшая роскошь и шептавшая о соблазнах. Жизнь продолжала издеваться над Люциусом. Свийя была залита огнями. В бедных кварталах вульгарно резвилась чернь, а над дворцовой площадью вспыхивали фейерверки, соперничая с полной Луной. По знаку Люциуса постельничий распахнул окно.

Воздух был по-вечернему свеж и доносил благоухание цветов. Звуки музыки, голоса людей и хлопки ракет сливались в непрерывный праздничный гул. Веселье выплеснулось на площадь. Король явил народу себя и новую королеву. Впрочем, блистающая атласом и бриллиантами толпа придворных оттеснила простолудинов в ближайшие улицы.

Люциус увидел Гальваруса, появившегося на широких мраморных ступенях у парадного входа. Рыцари и военные салютовали ему, дамы приседали, покачивая колоколами пышных юбок, царедворцы склоняли убеленные фальшивыми сединами париков головы перед новой силой, почему-то не внушавшей спокойствия и уверенности. Фанфары надрывно ревели, добавляя свои голоса к общему гулу.

И тут Люциус отшатнулся от окна. Слуга вовремя подставил плечо и услышал сдавленный стон, вырвавшийся из уст хозяина. Взгляд умирающего был прикован к фигуре в белом подвенечном платье, возникшей рядом с молодым королем.

Люциусу показалось, что он теряет рассудок. Кровь отлила от лица. Воспоминание обрело плоть и стало пугающе реальным. Всего лишь знакомый образ – но на пороге смерти он приобрел зловещее значение.

В молодой королеве Люциус узнал Майрину. Немыслимое сходство, вернее – полная идентичность. Походка, жесты, аура – ошибиться было невозможно. В его восприятии ее лицо увеличилось во много раз, стало центром маленького удушливого мирка, и все закружилось вокруг этого лица в тошнотворном хороводе...

Потом Майрину обступили имперские офицеры, охранявшие свою принцессу, и Люциус ненадолго потерял ее из виду. У него было время, чтобы попытаться удержаться в уютной лодчонке здравомыслия, но со всех сторон уже накатывали опрокидывающие волны

страха. Майрина вернулась к нему спустя десятилетия символом его окончательного и жалкого поражения...

Он снова увидел королеву. Она смотрела прямо на его окно и, без сомнения, тоже узнала старика, потому что на ее лице вдруг мелькнула улыбка злобного торжества.

Если до этой секунды Люциус еще в чем-то сомневался, то теперь любые сомнения исчезли. Под левой грудью появилось шило; оно медленно подступало к сердцу, а старик не мог издать ни звука. Его дыхание прервалось, как будто кто-то вставил пробку в трахею. Воздух оказался запертым в легких, и Люциус застыл с выпученными глазами.

Белая фигура, закутанная в саван вместо платья, отразилась в них. От нее протянулись нити колдовства, отбирающего жизнь. Тварь из Россиса явилась за ним и убила Люциуса быстро и чисто, даже не прикоснувшись к его дряхлому телу.

Шум и бурлящая толпа отвлекли внимание постельничего. Старый слуга был нерасторопен и не успел поддержать хозяина во второй раз. Люциус выпал в окно легко, как пустотелая кукла, не издав ни звука. К этому моменту он был уже мертв и избавлен от позора.

Он упал прямо на пики гвардейцев, выстроившихся вдоль фасада. Наконечник пробил его горло, а сам мертвец едва не сломал шею одному из солдат. Сцена получилась некрасивая, унижительная, кровавая. Полуголый обезображенный старик закончил свой земной путь, распластавшись в узкой полосе тени под стенами собственного дворца.

7

Когда Гальварус наконец утомился и заснул, Тайла продолжала лежать на спине с открытыми глазами, глядя на расшитый тонкими узорами полог. Первая брачная ночь оказалась еще менее приятной, чем она ожидала.

Вплоть до того момента, когда супруги уединились в спальне короля, ее преследовало ощущение нереальности происходящего. Даже в самый разгар праздника существо, у которого было тело женщины, но не женская душа, предчувствовало насилие и сопротивлялось неизбежному. Оно всерьез помышляло о побеге, но имперские офицеры сопровождали Тайлу повсюду. Исключение составляли лишь самые интимные уголки дворца, но в таких местах принцессу сторожил и преследовал страх перед духовником Грегором.

Сектант считал, что выбрал идеальное прикрытие, тем не менее с первого взгляда этот низкий лысый человек с повязкой, прикрывавшей один глаз, больше напоминал торговца запретным товаром, нежели представителя монашеского племени.

После смерти Люциуса ночь приобрела и вовсе печальный оттенок. В ней смешались гибель, противоестественная любовь и бесплодные попытки зачать новую жизнь. Для Тайлы это была еще и ночь чудовищного унижения. Зато Ансельму и Вальцу было присуще коварство, ставшее почти инстинктивным. Страх превратился в стойкую и неистребимую ненависть.

Супруг овладел ею грубо, прямолинейно, не теряя времени на пустопорожние ласки. Она до сих пор вздрагивала от отвращения, вспоминая его бледное голое тело с наметившимся животом, его мокрые жадные губы и запах плохо выделанной кожи, исходивший от рук, виной чему были перчатки. Гальварус делал свое дело настойчиво, но без особого воодушевления, словно хотел получить некие гарантии зачатия. Он был одержим единственной страстью – к обладанию. Это касалось не только женщин, и потому будущее Булхара представлялось туманным.

Тайла не задумывалась о том, чего добивалась от нее секта. Она не думала об этом даже тогда, когда королю были предъявлены неоспоримые свидетельства ее девичества, о чем тоже заблаговременно позаботился мастер Грегор. Она очутилась между молотом и нако-

вальней, но не подозревала об этом. По неведению жуткую роль уготовил ей и Гальварус, заронив в ее лоно свое семя...

Король захрапел, задрав подбородок кверху. Его сильно выступающий кадык наводил Тайлу на нехорошие мысли. Если бы Гальварусу не было отведено соответствующее место в ее неосознанных планах, она покончила бы с ним здесь и сейчас. Самодовольное и сильное животное спало рядом, еще не догадываясь о том, что угодило в ловушку. Судьба наказывает расслабленных и самодовольных. Тайла вдруг поняла, что это не ее мысль. Это также не была мысль Преподобного Ансельма, склонного к более изящным умопостроениям. Циничная фраза, засвидетельствовавшая печальный личный опыт, могла прозвучать из уст висельника Вальца, если бы у него были уста.

Тайла раздвинула полог и тихо соскользнула со смятых простыней, испачканных куриной кровью. Каминный огонь не прогревал огромную спальню, но исходящий от каменного пола холод не вызвал у королевы даже легкого озноба. Любая одежда сейчас стеснила бы ее движения, и потому Тайла осталась обнаженной. Ее пустой, ничего не выражающий взгляд замер на оружии Гальваруса, разложенном будто напоказ. Оружие для парада, а не для боя. После недолгих колебаний Тайла остановила свой выбор на небольшом, но хорошо сбалансированном кинжале и собрала в охапку одежду короля.

Спальни супругов находились рядом; их разделяла узкая, низкая и не слишком приметная дверь, которую можно было принять за резную деревянную панель. Дверь оказалась не заперта. Отворив ее, Тайла попала в свои владения.

Здесь было еще холоднее и совершенно темно. Слабый свет из соседней спальни проникал не дальше порога. Очевидно, никто не предполагал, что этой ночью королева вернется к себе. Она и сама не предполагала ничего подобного, но после любовной пытки что-то сломалось у нее внутри.

Она закрыла дверь и сделала несколько шагов в кромешной тьме. Положила на пол одежду и кинжал, приготовилась зажечь свечу. В этот момент свет вспыхнул сзади – не теплый и подрагивающий свет горящего фитиля, а ровное бело-голубое сияние, превращающее кожу в гладкий мертвый мрамор. Кроме того, источник света находился выше ее головы.

Тайла медленно обернулась. Вряд ли ей следовало опасаться здесь кого-либо. Но одного человека она боялась по-настоящему, ощущая его присутствие каждой клеткой тела, которое сделалось подобным паутине, улавливающей легчайшие дуновения воздуха.

И она не ошиблась. Очертания низкой темной фигуры угадывались под режущим глаза пятном Луны. Эта фигура принадлежала Грегору. Светящийся шар поплыл к Тайле, и она смотрела на него равнодушно, потому что у нее было весьма ограниченное представление о том, что такое небесные светила и что такое волшебство.

Повязка на лице Грегора была поднята и облегла голову черным обручем. Пустая левая глазница была открыта, и в ней шевелилось что-то, похожее на детский пальчик, который ощупывал края незакрывающихся рваных век. Тайла ощутила странное влияние, затруднявшее движения и дыхание, будто воздух в комнате стал жидким. Несмотря на лед, сковавший ее конечности, она понимала, что сектант пока использует свою силу всего лишь для запугивания. Однако и этого было достаточно.

Грегор подошел ближе. Щурясь, она могла разглядеть черты его лица. Он улыбнулся, но эта улыбка не обещала ей ничего хорошего. Тайла попыталась опередить его.

– Как ты смеешь? – прошипела она еле слышно, чтобы не разбудить Гальваруса. – Кто пустил тебя сюда?

Вместо ответа он дал ей пощечину. Когда ее голова вернулась в прежнее положение, Тайла услышала тихий проникновенный голос:

– Это первый урок. Не забывайся. Возвращайся к своему мужу и постарайся быть хорошей женой. Ты меня понимаешь?

Она с трудом кивнула. Поднимать шум было не в ее интересах. Очередное унижение почти уничтожило ее, но именно сейчас она почувствовала, что для нее все только начинается. Ее тройственная природа была не разрушительной болезнью, а спасением на краю пропасти.

– Ступай к королю! И впредь не заставляй меня быть непочтительным...

Грегор был обманут ее покорностью. Она присела, чтобы поднять одежду мужа, и на какое-то мгновение выскользнула из лучей магического света. В следующую секунду кинжал мелькнул в стоячем воздухе и вонзился под правую ключицу мастера.

Бросок получился не очень сильным, а кинжал не был метательным ножом, однако Грегор не потрудился надеть доспех. Клинок пробил одежду и довольно глубоко вошел в тело.

Это заставило сектанта замолчать. Миниатюрная Луна, освещавшая спальню, метнулась вверх, и холодный свет выхватил из тьмы альковные сцены, коими был расписан потолок.

Грегор начал медленно оседать на пол, сопротивляясь охватывавшей его слабости. «Детский пальчик» с кривым жалом вместо ногтя судорожно забился в глазнице. Луна выписывала сложные фигуры под потолком и вдруг упала на пол. В ее гаснущем сиянии клубилась потревоженная пыль...

Что-то метнулось к Тайле – неразличимое и стремительное, но едва ли похожее на птицу, – и оцарапало ее щеку.

После этого членистое тельце оказалось на лбу у Грегора и, содрогаясь, спряталось в своей пещере. Тайла смотрела на лежащего мастера. Рана, нанесенная кинжалом, оказалась не смертельной, но крови пролилось много. Тайла не знала этого и посчитала Грегора мертвым.

Ее растерянность продолжалась всего минуту; голому существу нелегко соображать в холоде и темноте. Она попыталась прибегнуть к превращению впервые с того момента, как ощутила себя женщиной в наполненном землей саркофаге.

Ей предстояло вспомнить нечто забытое. Использовать память тела, которой не могло быть, тем не менее в самом ее отсутствии содержалось некое магическое равновесие. А еще Тайлу подстегивал страх. Теперь, когда отступить было некуда, она заподозрила, на что обрекла себя.

* * *

Желание.

Необходимость.

Нестерпимость.

Распад.

Нездешний покой.

Неживые тени, танцующие вне времени.

Наконец, слияние с самой собой внутри яйца, оплодотворенного колдовством. Липкие струи отвердевали и становились плотью; фрагменты ощущений складывались в непрерывно существующее сознание. Радость и кошмар просыпались одновременно. Пробуждение вызвало ужас – новое существо явилось в мир нагим и беззащитным, как младенец. Только ему не было даровано при этом счастливое неведение...

Прежний холод окружал его. Прежняя тьма, пронзенная единственным светящимся столбом. В этих украденных лунных миазмах появился высокий мужчина с черными всклокоченными волосами. Он осмотрел свое тридцативосьмилетнее тело и, по-видимому, остался доволен им. Это было худое, но сильное тело человека, который часто голодал и

много сражался. Старые шрамы составили рельефный рисунок на его коже; самый большой и черный рассекал пополам лоб. Странный наклон головы придавал мужчине несколько иронический вид.

Расчленитель Вальц засмеялся. В тусклом свете, падавшем снизу, его лицо исказил жутковатый оскал, но единственный свидетель этого лежал без чувств у его ног. Вальц смеялся вначале тихо, потом громче, пока не вспомнил, что еще не свободен.

Выбор лазаря был не случаен. Инстинктивно он предпочел одряхлевшему Ансельму того, кто был способен лично сражаться и, если потребуется – убивать. Исполнителя, а не организатора. Того, кто не остановился бы ни перед чем.

Так Вальц снова появился на земле спустя пару месяцев после казни.

8

Вальц склонился над телом мастера и протянул руку к его лицу, казавшемуся восковым. Тень этой руки запрыгала на потолке, как огромная летучая мышь. Пальцы у Вальца были длинные, а отросшие ногти загнуты книзу. Он раздвинул ими веки Грегора и попытался извлечь насекомое. Ядовитая тварь была гладкой, скользкой и цеплялась за края своей слизистой норы.

С застывшей улыбкой Вальц вытащил из груди Грегора нож и поддел насекомое лезвием. Вероятно, он повредил панцирь, но извлек тварь из глазницы, слегка испачкав в крови. За нею тянулись белесые нити, которые обрывались с пискон тончайших струн.

Насекомое оказалось легким, как бы пористым, но эти поры были неосязаемы. Теперь, вне тела Грегора, оно испускало гнилостный свет, будто было окутано зеленоватой пеленой. Вальц положил его в рот и хладнокровно разжевал.

За его спиной распахнулась маленькая дверь, соединявшая спальни. Лазарь стремительно обернулся. Собственная нагота никак не стесняла его, тем более что вероятный противник тоже был почти голым.

Гальварус, возникший на пороге спальни, обвел его мутным, непонимающим взглядом, который так и не прояснился, когда король взревел:

– Какого дьявола?!

В тишине его хриплый спросонья голос прозвучал оглушительно. Вальц подумал, что крик должен был разбудить по крайней мере слуг, находившихся поблизости от спальни королевы. Благодаря темноте и некоторой растерянности Гальваруса, застигнутого врасплох, он получил заметное преимущество. Король не успел больше ничего сказать. Разделявшие их несколько шагов Вальц преодолел раньше, чем стихло гулкое эхо.

Его кулак врезался в переносицу Гальваруса и тот зарычал от боли. Вальц продолжал наносить жестокие удары до тех пор, пока король не вывалился в свою спальню и распростерся на полу. К этому моменту его лицо напоминало мокрую подушку из багровой ткани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.